

БЕЛОРУССКАЯ
ГЛАВКА
ПО ДЕЛАМ
А
футуристы

„Июля“ Сборникъ.

МОЛОКО КОБЫЛИЦЪ

(миростгелъ)

Рисунки

Стихи

Проза

Александра Экстеръ.	Б. Лившицъ.
Хлѣбниковъ.	В. Маяковскій.
Бурлюки: Давидъ.	Игорь Сѣверянинъ.
Владиміръ, Николай.	В. Каменскій.
А. Крученыхъ.	

МОСКВА.

1914 г.

футуристы

„Июля“ Сборникъ.

**МОЛОКО
КОБЫЛИЦЪ**

Рисунки

Стихи

Проза

Александра Экстеръ.	Б. Лившицъ.
Хлѣбниковъ.	В. Маяковскій.
Бурлюки: Давидъ,	Игорь Сѣверянинъ.
Владиміръ, Николай.	В. Каменскій.
А. Крученыхъ.	

МОСКВА.

1914 г.

Велиміръ

Хлѣбниковъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

изъ одного письма Велиміра Хлѣбникова:

Дорогой Вячеславъ Ивановичъ!

Я задался вопросомъ не время-ли дать Вамъ очеркъ моихъ работъ, разнообразіемъ и разбросанностью которыхъ я отчасти утомленъ. Мнѣ иногда казалось, что если-бы души великихъ усопшихъ были обречены, какъ возможности, скитаться въ этомъ мірѣ, то онѣ, утомленные ничтожествомъ другихъ людей, должны были избирать какъ островъ душу одного человѣка, чтобы отдохнуть и перевоплотиться въ ней. Такимъ образомъ душа одного человѣка можетъ казаться цѣлымъ собраніемъ великихъ тѣней. Но если островъ возвышающійся надъ волнами нѣсколько тѣсень, то не удивительно, если онѣ время отъ времени сталкиваютъ одного изъ безсмертныхъ опять въ воду. И такимъ образомъ составъ великихъ постоянно мѣняется. Но къ дѣлу!

Уже Бисмаркъ и Оствальдъ были отчасти русскими. Мы переживаемъ время „сѣчи и натиска“. Собственно европейская наука смѣняется наукой материка. Человѣкъ материка выше человѣка лукоморья и больше видитъ. Вотъ почему въ ростѣ науки преаидится пластъ— Азійскій, слабо намѣчаемый и сей-часъ. Было бы желательно чтобы часть ударовъ молота въ этой кузнѣ *Новаго Вѣка* принадлежала русскимъ. Но рускіе нѣсколько холодны къ подвигамъ своихъ соотчичей и не заботятся о первенствѣ. Я вообще сомнѣваюсь, чтобы въ Россіи можно было что нибудь напечатать кромѣ переводовъ и подражаній

.....:—Я нѣгѣшна нѣгута смѣявистая смѣявица
Милыхъ нѣгочей зову вы бѣгите ко мнѣ
Рѣзвой стопой милачи любцы меня
Теплорукой золотистой косохвостомъ
—Я милошь къ тебѣ бѣгу
Я мильню тѣла алчу.

Старикъ:—добро къ себѣ, мечи къ врагамъ
Лелиря въ видирѣ идя
Я зову за васъ бѣжать
Да на коняхъ страсти сидя
Нивы страсти жать.

.....

Когда рога оленя поднимаются надъ зеленью
Они кажутся засохшее дерево
Когда Сердце божіе обнажено въ словахъ
Бають: онъ безуменъ.

А. Осинный скучь колъ
Вошелъ въ видѣніе подъ гробомъ
И сорить лучшая изъ куколъ
Труху разсыпанную зобомъ.

В. Мои глаза бредутъ какъ осень
По лицъ чужимъ полямъ
Но я хочу сказать вамъ міра осямъ
„Не позволямъ“
Хотѣлъ бы шляхтичемъ на сеймѣ
Руку положивъ на рукоятку сабли
Тому, отсвѣтъ желаній чей мы
Крикнуть, чтобъ узы воль ослабли.
Такъ ясновельможный панъ Сапѣга
Въ гнѣвѣ изумленномъ возростая
Видитъ какъ на плечо бѣлѣе снѣга
Мѣха надѣты горностая.....

.....

ПА ЛЮДИ

Погода по гѣда Сѣни

Птица стемясь въ высь
Летить къ небу
Панна стремясь въ высь
Носить высокіе каблукы
Когда у меня нѣтъ обуви
Я иду на рынокъ и покупаю ее
Когда у кого нибудь нѣтъ носу
Онъ покупаетъ воску
Когда у народа нѣтъ души
Онъ идетъ къ сосѣднему
И за плату приобрѣтаетъ ее
Онъ лишенный души!...

Пѣснь Мірязя.

Написано 1907 году.

(Продолженіе).

(„См. *Пощечину Общественному Вкусу*“).

Синатое небо. Синючія воды, Краснючія сосны; нагія...
чьи локтерогы тѣла.
Зеленохвостый переддѣвичій змѣй. Море зыбейная че-
шуя.
Нагавый кудрявый ребенокъ. Чья ладонь — тѣлокудря
на зарѣ.
Пронизающія материнскій домъ во взорахъ дѣвушки,
чье рядом и одѣймо небесаты голубевомъ тихо-
мирять ребенка.
И умнядь толпоногая
И утроликая ночетѣлая тѣломъ днерукая дѣвушка.
И на гудно зова летить умиралый злодѣй и казнить
сонъ и милуетъ явь.
Наступили учины; смерть училась быть жизнью, имѣть
губы и носъ.
И утроликъ и ясью взорать онъ.
И яснота синихъ глазъ.
И веселоса емлетъ свирѣль изъ пука игралей.
И славноша думновзорень.
И смѣхъ лиль ручьемъ. Смѣхливель текучій.
И ясноша взорами чароваль всѣхъ. И насъ и же-
нянокъ.
Дебрявая чаща мукъ
И мугоба во взорахъ ясавицы.
И читая рѣзьмо лѣшаго прочли: сила видѣть бога, безъ
закопченного стекла, ваше сердце желѣзо копья,
И рѣзакъ заглядываль тонкимъ звѣринымъ лицомъ
черезъ плечо.

И моя неинь сердитючія дѣлала глаза и шествовала воркуя якъ голубь, вспяты. И гробъ, одѣвъ времяклювый и очки, о, гробастое поле съ усердіемъ читаль. „Способъ воздѣльванія и роботы вкусныхъ овощей“.

Рѣзьмодѣй-же побѣгъ за берестой содѣять новое тисъмо
О сами трепетнымъ ухомъ къ матери сырой землѣ!

Не передовѣряйте никому: можетъ быть старь, можетъ быть глухъ, можетъ быть врагъ, можетъ быть рабъ... О вникайте въ топотъ дальнихъ коней!

И сами выхчія звѣзды согласны были.

И въ глазахъ несли любязи голубыя повязки, младшій-же братъ согнувшись, ковалъ широкій мечъ, чтобы было на что опереться требуя выдѣла. И взялъ зываль и зываль къ знобѣ и чтобѣ сильныхъ быть силачемъ. И засвирѣль была легка и узывна; пьянила,

И въ мыслокѣ силь затерялся, я,мень.

И давучая клики нѣмда была безжалостно растоптана конями чужаковъ... безъ узды и безъ наѣздниковъ.

И ясивый звѣздный взоръ.

И, взявъ за руку повелъ въ гордешницу: здѣсь висѣли ясные лики предковъ. О землѣ родущей моленя, и небомѣхій звѣрь и будущеглавая ясавица, и „голубчикъ“ міроперый и „спасибо“ величиной-ли съ воробышка, величиной-ли съ голубя, величиной-ли съ вселенную?

И спасиборогій волъ и вселеннохвостая (увы: есть и такая) кошка

И все лишь ступогъ къ имени даже ночная вселенная.

И голубой беззвучно скользнулъ таень.

И сонныя и соняжеская мечта овсеннѣлымъ. И сонязевъ рокъ—узнать явь.

И сонныязъ бросаетъ всеннѣющую тѣнь надъ всѣмъ, и земь, воздухъ, бралъ струнами, подсобниками въ туманныхъ дѣлахъ славянина.

И не устаеть меня плѣнять, мая, маень, и я тихая грустная вѣсть міра съ сирымъ, бѣдучимъ взоромъ.

И въ звучешницѣ верховенство взяли гусли.

Ахъ, прошла красивѣя, плѣняя насъ: Не забыть!

И въ проживѣ отъ устоя рода до мородстояплыли мары яснева хмары. И небѣе неба славянская дѣвушка.

И ярозеленючая кружавица, овѣваемая и нагучая локтями и палешницей и нагѣющая и нѣгѣющая полуразверзетыми безстыдными устами и мертлявая полузакрытыми глазами.

И тѣновой забочій и котелкоувѣтная сѣрейная лужайка и зыбкая и зыбучая на ней плясавица. И хвостозеленовый и передодѣвичій подъ вѣткой легъ змѣй и вѣхчій смѣхомъ вѣкъ стариканъши. И трое бѣлыхъ стоемъ, полукругомъ на синевѣ, у зеленева. О пожаро-косичный, темохвостый куръ!

И мучины страдая и бой юнзя. Хоробровъ буй, буй юника.

И юнежь всклекотала, и юникане прозорливыми улыбками засмѣялись.

И юнежеустая коекогда правда. И любавица и бѣгуша въ сны двоима спимые ты была голубошъ крыла.

И игрецъ въ свирѣль и дружба мечты. И святочъ юновзорый.

И вселенатые гривой кони и палица у глазъ; двѣ раздѣленные днемъ ночи. Смѣхдометь изъ мальчишеской свирѣли и безильные запереть смѣхъ уста. И смѣхучій видъ старца; несъ въ мѣшкѣ вѣчность.

И давчій красу и любу—отнялъ. И заведенные часы И деблы слетались, деблиныя велись рѣчи.

И ясно было тихо. И яро.
И грязло ясна на небо. И хохотуха съ смѣлый лицомъ
пролетѣла по ясневу.
Сумракъ и мгла — два любна меня.
Красивѣйно рядится душа въ эти рядна
И въ вѣнкѣ дружества, пчель пророкъ
И дымва зыбетѣлая дѣлаетъ лики и кажетъ роги.
И взоролапая снѣдь
И улыбалъями голубьяннопериы завернулись, смѣю-
чись, нѣмницы. И умнота и сумнота голубыхъ
очей голубого села радостна.
И шли знатцы. И безумноклювыя сорвались личины
И повязанные слѣпинами и нѣминами шествовали
кроткіе бухи.
И небесючая небесва никла голосами долу слухчему.
И плыли небеснатости рокотомъ.
И Мещей добрядиннаго пути.
И разверзетые бездны уста. Любноперый птица морокъ.
„Умунъ“ ты нашъ баяли зори
И соколомъ — тучевомъ взлетѣлъ къ ясямъ неонъ.
Дядя Боря на ноги надѣлъ вѣчностяные сапожки, на
голову темя пернатую солнцемъ шляпу. Но и
здѣсь съ люлькою не разстался.
И голубьмо неба не таяло и не исчезало.
И дѣло мовевая и золотучія — золотвянныя струны; и
звучмо его нѣжныхъ звенѣющихъ нѣжно рукъ и
смѣхотва неясныхъ усть, нѣготливыхъ, милоши
смѣхотливыхъ, улыбчивыхъ.
И улыбчивянный брегъ и печальная струи, и веселыя
березки по брегу по высокому, и дикіе печаль-
ные стволы.
И грозы и нѣмва изъ тростниковъ бѣлюси лики ка-
жетъ. И празднико языковой конь.

И ваймо и ваяльня спозъ, тамъ ваймодѣй и каменская
псивъ.
И вашу и улыбово грустныя и волосатый старецъ, и
дѣвопѣси въ синихъ чертахъ. И груда дѣлоговъ
мертвороукаго мертвобописца и духомъ повѣяло
надъ письмобой и письмежомъ уже
И лѣпмо и лѣпежъ и грустящій грустень въ грусти-
нахъ и грустинникъ съ всегда грустными печаль-
ными глазами и любучій — любучій груститель
взглядъ жаркихъ любокыхъ вѣждъ; но уста —
садокъ нѣмвянокъ и порхучая въ немъ нѣмва
И всенѣлъ чей-то юный ликъ.
И земва и небесва негасючимъ шепотомъ перешепты-
вались и многозвугодье и инозвучобица звучобо
особъ
Скакотствууетъ плясавица вокругъ весеняго цвѣтка.
Но нѣмотствууютъ люди:

АЛФЕРОВО

Не мало славныхъ полководцевъ
Сказавшихъ „счастливы“ умирая
Зналъ родъ старинныхъ новгородцевъ
Въ потомкѣ гордомъ догорая.

На бѣломъ мохнатомъ конѣ
Тотъ въ Польшѣ разбилъ короля.
Побѣды коварны онѣ
Надъ прежнимъ любимцемъ шая.

Тотъ сидѣлъ подъ старой липой
Побѣдитель въ Измаилѣ.
И склоненъ надъ приказовъ бумажною кипой
Шенталь умирая „мы побѣдили!“

Надъ пропастью дядя скакалъ
Когда русскіе брали Гунибъ.
И отъ раны татарскою шашкой стекалъ
Ручей.—Онъ погибъ.

То бобыли, то масть вороная
Подъ гулкій звонъ подковъ
Носила сѣдоковъ
Вдоль берега Дуная.

Конюшенъ дѣдовскихъ копыта
Шагами русская держава
Была походами покрыта
Товарищами славы.

Тотъ на востокѣ служилъ
И отъ пули смертельной не сдѣлавъ изгиба
Руку на сердце свое положилъ
И врагу, улыбаясь, молвилъ : „спасибо“.

Теперь родовыхъ его имѣній
Горятъ дворцы и хутора,
Ряды усадебныхъ строеній
Всю ночь горѣли до утра.

Но преданъ прадѣдовскимъ устоямъ
Завѣтовъ стражъ отцовъ
Онъ ходитъ по покоямъ
И теребитъ концы усовъ.

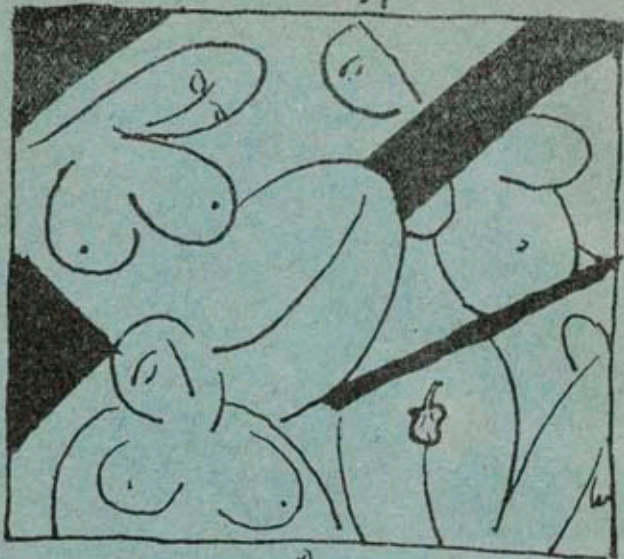
Въ созвѣздье ихъ войдетъ онъ самъ!
Избранники столицы.
Нахмутивъ свои лица,
Глядятъ изъ старыхъ рамъ.

СЕЛЬСКАЯ ДРУЖБА.

Какъ тѣ видѣнья тихихъ водъ,
Что исчезаютъ, лишь я брызну.
Какъ голосъ чей то въ бѣдствій годъ:
„Пастушка, встань, спаси отчизну.“
Видь спора молній съ жизнью мушки
Сокрыть въ твоихъ красивыхъ взорахъ
И передъ дланію пастушки
Ворча, ревѣть умолкнуть пушки
И ляжетъ смирно копій ворохъ.
Такъ въ пряжѣ таинственной съ счастьемъ и бѣдами
Прекрасны смѣлы и невѣдомы
Юношей двое явилось однажды.
Съ смѣлыми лицами, взорами жажды.
На утро пришли они, мокрые, въ росахъ.
Въ рукѣ былъ у каждого липовый посохъ
То вѣстники блага подумалъ бы каждый.
Смѣлы зорки расторопны
Въ русыя кудрей покрытыя копны,
Къ труду привычны и охотники,
Они просились въ работники.
Какой то, пришли они, тайной томя,
Волнуемы подвигомъ общимъ
На этихъ приходъ мы не ропщемъ.
Такъ голубь порою крылами двумя
Въ время вечернее мчится и сѣрое.
И каждый взглянулъ на нихъ, сразу имъ вѣруя.
Но голубь летитъ все жь единый.
Пришли они къ намъ урожая годиною.

Давидъ Бурлюкъ:

ор. №1.орис №2.

У Н А

какъ вша ползеть небесъ
подкладкой —

неуслыжнякъ изгибъ закабаленныхъ

устъ !...

о не стаяи своей улыбкой
гадкой

нескромныхъ устремлений

Сюда ихъ тропа привела
Два шумныхъ и легкихъ крыла.
Съ того напрасно снятъ казалось шлемъ.
Покрыть хвостомъ на мѣдной скрѣпѣ
Онъ былъ бы лучше и свирѣпѣй.
Онъ русый стогъ на плечахъ несь.
Для слабыхъ просьбъ и тихихъ слезъ.
Другой же кротокъ, чистъ и нѣмъ
Мечтатель былъ и ясли грезъ.
Какъ лихъ и дикъ былъ тотъ въ забралѣ
И веселье голосъ межъ мечей!
Иные сны другого умъ избрали
Ему былъ спутникомъ ручей
И онъ умѣлъ въ тиши часами
Дружить съ ночными небесами.
Какъ строкъ земли инымъ созвучіе,
Какъ одѣянье сердцу лучшее.
Село ихъ весело приѣмлетъ
И сельскій кругъ ихъ сказкамъ внемлетъ.
Твердятъ на все спокойно: да!
Не только наши города.
Они вошли въ семью села.
Имъ сельскій бытъ былъ данъ судьбой.
И какъ два сѣрые крыла
Гдѣ былъ одинъ, тамъ былъ другой.
Другъ съ другомъ жизни ихъ сплелись;
Съ иными какъ-то не сошлись.
И всѣ привѣтствуютъ ихъ.
Умолкли злые языки.
Хотя ворчали старики:
Тотъ слишкомъ лихъ, тотъ слишкомъ тихъ.

Они прослыли голубки
(Къ природѣ образы близки.)
И парубки, хотя ранѣй косились,
Но и тѣ угомонились.
Не знаю, что тому виною
Рѣшенье женъ совсѣмъ иное.
Онѣ навѣрное правы.
Кто былъ предъ ними на яву
Осколкомъ вѣка Святослава
И грозныхъ словъ „иду на вы,“
Предъ тѣмъ, склонивъ свою главу,
Проходить шумная орава.
Такъ дикій шорохъ чуть услышатъ
Въ ночномъ пасущіеся кони,
Прядутъ ушами, робко дышатъ:
Вѣдь все есть въ сумрака законѣ.
Когда сей войнѣ отцовъ осколокъ
Встрѣчался, мѣряя проселокъ,
На ея быстрый взоръ спускали пологъ.
Передъ другимъ-же, подбоченясь,
Смѣлы, бойки, какъ новый пенязь,
Играя смѣло прибаутками,
И смѣло радостными шутками,
Стояли весело толпой
На смѣхъ и дерзость не скупой.
Бранили отрока за то,
Что, портя обликъ молодой,
Спускался клокъ волосъ сѣдой
На мысли строгое чело,
Былъ сирота межъ прядей черныхъ.
Казнили стаяй словъ задорныхъ.

За то, что рано посѣдѣлъ,
Храня другой судьбы удѣлъ.
Что пустяки ему важны,
И что ему всегда немного нездоровится,
А руки слабы и нѣжны,
Породы знакъ, гласитъ пословица.
Ходила бойкая молва,
Что несправедливъ къ нему законъ.
За тайну темную рожденія.
И что другой судьбы права
На жизнь, счастье, наслажденіе
Хранилъ въ душѣ глубоко онъ.
Хоть отнял имя, давъ позоръ,
Но былъ отецъ Ивана важень
Гдѣ-то. То, изъ какихъ то жизни скважинъ
Все разузналъ болтливый взоръ.
Враждуя съ правомъ и тоской
Съ своей усмѣшкой удальской
Стаю молній озорницы
Бросали въ чистыя зарницы.
„Не я, не мы“ кричали тѣ,
Въ безумца, вѣрнаго мечтѣ,
Весною красненькій цвѣтокъ,
Зимой холодный ледъ снѣжка
Порой оттуда гдѣ платокъ,
Когда леталъ изъ подтишка.
Позднѣе съ ними примирились
И называть ихъ договорились
Нашъ силачъ,
(Пропащая головушка)
И нашъ скрипачъ

И намъ соловушка.
Вѣдь былъ силенъ, чьи кудры были русы.
А тотъ на скрипкѣ зналъ искусства.
Былъ сельскій бытъ совсѣмъ особый.
Въ селѣ томъ жили хлѣборобы.
Въ верстахъ двѣнадцати
Военный жилъ; ему покой давно былъ велѣнъ
Въ мѣстахъ семнадцати
Онъ былъ и раненъ и прострѣленъ.
То вѣрной, то шальною пулей.
(Онѣ летятъ, какъ пчелы въ улей.)
И каждый вечеръ, водъ низами,
Къ горбунѣ съ жгучими глазами
Сквозь луга и можжевельникъ
Съ громкой пѣсней ходилъ мельникъ.
Идя тропкою ивняка
Свою онѣ „пѣсню пѣсней“ пѣлъ
Тогда село навѣрняка,
Смѣясь, шептало
„Свой трудъ окончить онѣ успѣлъ.“
Копыто позже путь топтало.
Но осенью, когда пришли морозы,
Сверкнули прежнія угрозы.
Въ глазахъ сердитыхъ стариковъ,
Какъ повѣсть жизни и грѣховъ.
И раздавалось бранное слово.
Потомъ по старому пошло все снова
Только свадьбы стали чаще
Съ хмѣлемъ ссоры и смятеній.
Да порой въ вечерней чащѣ
Замѣчали пляску тѣней.

Но что-же ?
Не долго длилось все и тоже,
Однажды ревъ въ деревнѣ раздался.
Онѣ выросъ, росъ и на небо взвился.
Забилась сторожа доска !
Въ томъ крикѣ смертная тоска.
Набать ? иль бѣшенныя волки ?
„Ружье подай мнѣ !“ — Тамъ, на полкѣ.
Притворъ и стволъ поспѣшно выгнувъ,
Въ окошко сада быстро прыгнувъ,
Бѣгутъ на помощь не трусы.
Богъ мой ! Отъ осаждающей толпы
Оглоблей кто-то отбивался.
Въ рукахъ полѣна и цѣпы,
Но осажденный не сдавался.
За нимъ толпой односельчане
Забывъ свирѣли и заботы,
Труды, обычай и работы,
На мясъ, квасѣ и кочанѣ
Обѣды скудные прервавъ,
Идутъ въ защиту своихъ правъ.
Излишни выстрѣлъ и зарядъ.
Слова умы не озарятъ.
На темный бой съ красавцемъ прошлымъ
Бѣгутъ, размахивающимъ дышломъ.
Тогда, кто былъ лишь грезъ священникъ,
Сбѣжалъ съ крыльца семи ступенекъ.
Молва далеко рассказала
Объ этомъ крикѣ : не боюсь !
Какая сила ихъ связала,
Какое сердце и союзъ !

Въ его рукѣ высокій шестъ
Полетомъ страшнымъ засвисталъ,
И кругъ по небу начерталъ.
Онъ имъ по воздуху провелъ.
Онъ хищникъ въ стаѣ голубей.
Умолкли возгласы: убей.
И отступили люди мѣсть,
И побѣжали люди селъ.
Въ тихомъ омутѣ, по чертъ.
Молвилъ тотъ, кто былъ простертъ.

* * *

Навѣрно мѣсяцъ пролежалъ
Борисъ кругомъ покрытый льдомъ,
Недугъ кончиной угрожалъ.
Онъ постарѣлъ и посѣдѣлъ.
Иванъ, гордясь своимъ трудомъ,
Сестрою около сидѣлъ,
И въ темный часъ по вечерамъ,
Скорбна, какъ будто войдя въ храмъ,
Справлялась не одна села красавица,
Когда Борисъ отъ ранъ поправится?
И онъ окрѣпнулъ наконецъ,
Но вышелъ слабый какъ чернецъ.
Межъ тѣмъ и сельскихъ людей гнѣвъ
Улегся, явно присмирѣвъ.
Борисъ однажды клятву далъ
Рѣку Остеръ двѣнадцать разъ,
Не отдыхая, переплыть,
Указъ судьбы его не спасъ.
Онъ на седьмомъ погибъ. Не плакалъ не рыдалъ

Иванъ, но похоронивъ рѣшилъ уйти.
Иныхъ дней жребій темный вынулъ
И незамѣченный покинулъ
Насъ. Не знаю, гдѣ рѣшилъ онъ жить?
Быть можетъ, онъ успѣлъ забыть
Тотъ край, какъ мы его забыли,
Забвенье предали пути.
Но голубь ихъ скитаній хромъ
Отнынѣ сломаннымъ крыломъ.
Дрожить и бѣется узникъ пыли.
Такъ тяжело падаетъ на землю
Свинцомъ пронзенный дикій гусь.
Но въ ихъ сердцахъ устало внемлю
Слова изъ книги общей: „Русь.“

Давидъ

Бурлюкъ.

НЕБО НАДЪ ПАРКОМЪ.

Древній блеклый щить героя
Сжатый снѣгомъ облаковъ
Намъ дарить качаясь хвоя
Надъ строителемъ угловъ
Мы взглянули лишь случайно
И смотри уже открытъ
Четко зло необычайно
Изступленный синій щить
Сѣткой плавной позолоты
Исчерненный какъ спина
Ты сквозишь надъ нами годы
Юность вѣчность вышина.

ПЕРВЫЕ ВЗГЛЯДЫ.

Окно открылъ и посмотрѣлъ на грядки
Вонъ вѣтеръ шевелить матерію гардинъ
Все ново вокругъ вездѣ плывутъ загадки
Какъ эти шорохи уже размытыхъ льдинъ

Чтожъ измѣрять я стану напряженно
Сей храмный сводъ нѣмую высоту
Иль лоть измѣнчивый заброшу я бездонно
За грани трепетовъ за савановъ черту.

Замѣтилъ дѣвушку и улыбнулся ивъ
Первичный пухъ чуть наклонялъ Зефиръ
А я дрожалъ въ тончайшихъ чувствахъ приливъ
Глядя на мирный сей осуществленный пиръ.

Молитвенно сложилъ свои больныя руки
Весна весна шепнулъ зеленый день
А тамъ ловцы свои сгибали руки
И птица падала въ еще сквозную сѣнь.

Въ голубые просторы
Гдѣ-то впаяны льды
Заморожены взоры
Отдаленной слюды

Закалдованы слезы
Огневѣющій взмахъ
Ледниковыя розы
На небесныхъ устахъ

Кто то сбросилъ наряды
И предсталъ весь горя
На лучистыя гряды
Твоего янтаря.

У т р о .

Я видѣлъ дѣвы плѣнныя уста
Къ нимъ розовымъ она свою свирѣль прижала
И гдѣ то арокъ стройнаго моста
Отъ тучи къ тучѣ тѣнь бѣжала

Подъ мыльной пѣной нѣжилась спина
А по водѣ дрожали звуки веселья
И кто то внизъ изъ горяго горна
Какихъ то смоль пахучихъ капли бросилъ.

Посуль осени.

Туманъ разить цвѣты
Мертвецъ глухой сѣдой
Средь тусклой высоты
Рождечный надъ водой

Ты какъ рѣка течешь
Какъ бѣлый дымъ скользишь
Твой шагъ какъ хладный ножъ
Какъ обморокъ какъ тишь!

Какъ саванъ какъ крыло
Вездѣ вездѣ взмахнулъ
Ты вкрадчивое зло
Ты осени посуль.

СОЛНЦЕ.

Цвѣты какъ оазисы яркости

Камень знойный одноглазъ
Тебя мы видимъ вѣдь не разъ
Тебя мы видимъ каждый день
Но всежъ хвала тебѣ не лѣнь!

Въ лазури кто встаетъ столь зримо
Готовно свѣтитъ такъ другимъ
Кто такъ торжественно умретъ
Чтобъ снова жить какъ часъ придетъ.

Слѣпишь ты окна
Пестришь неровность водъ
Тянуть волокна
Умѣешь каждый годъ.

Никто не взглянетъ
Внутри въ огненный зрачекъ
Свѣтъ въ душу прянетъ
Какъ къ мухѣ научекъ.

Мирисѣвъ.

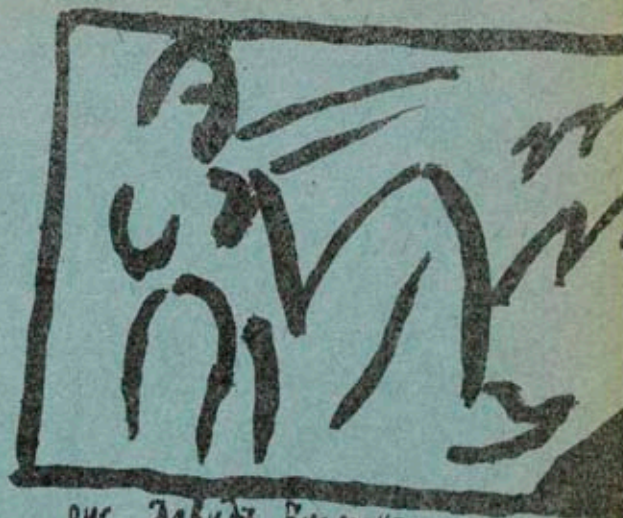

рис. Завидъ Бурлюкъ.

ор. 4.

Облако.

Плазьте плазьте дятки
Бури

Локомъ воздуха виситъ

Надъ огами свѣтлыхъ
Гурий

Протянулася Китъ.

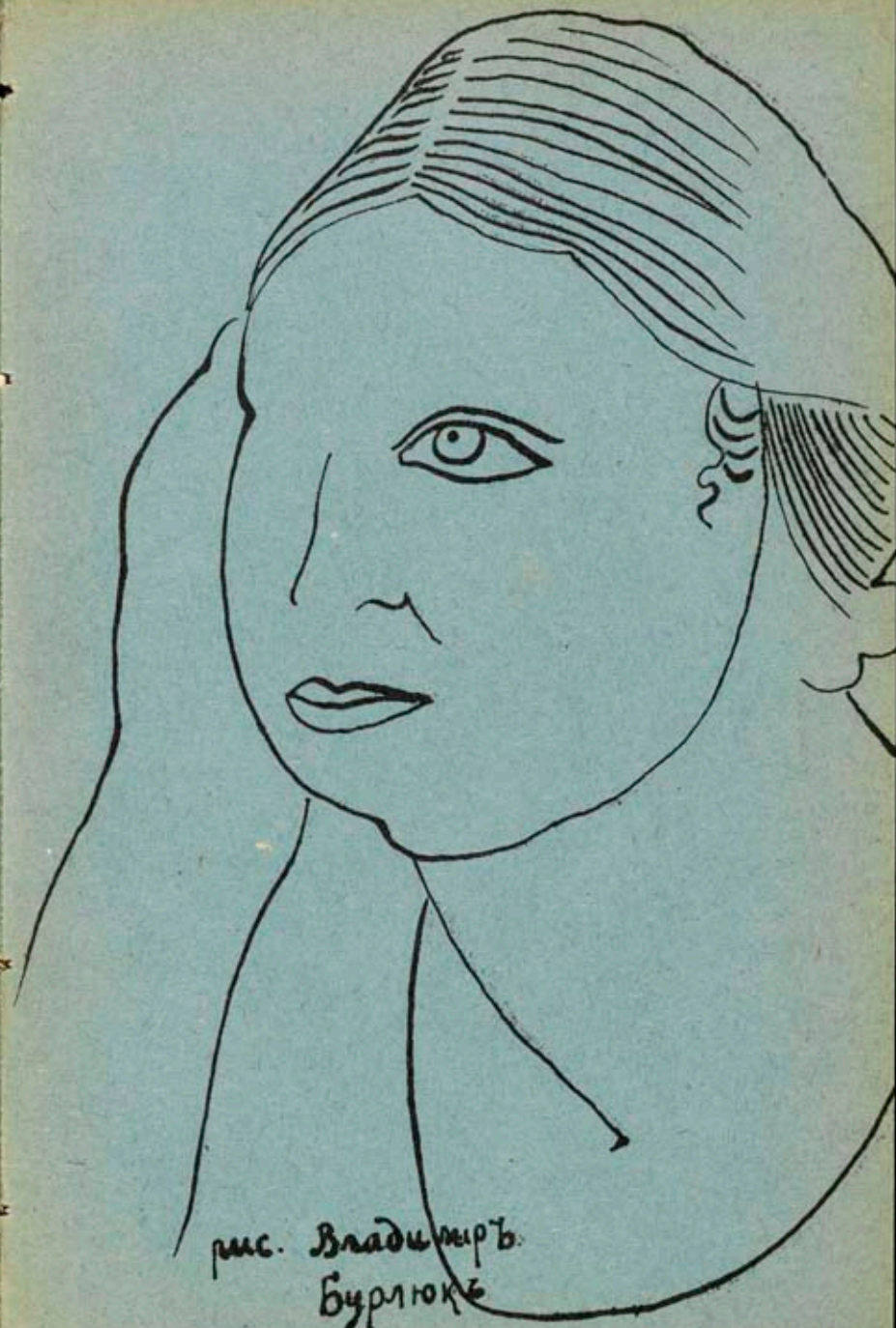

рис. Владимиръ.
Бурлюкъ

* * *

Ушедшихъ миговъ тайный вредъ
Сгибаетъ мѣдныя власы
Тоскливый безконечный пледъ
Слѣдъ убѣгающей лисы

Подъ остывающій помостъ
Сокрылись мертвенныя лица
Мигнулъ златоволосый хвостъ
Ушедшихъ миговъ вереница

Смотри вокругъ вездѣ бѣда
Упали башенныя фронтоны
Исчезли стѣны безъ слѣда
Ты пень сухой лишенный кроны.

Млечный путь.

Ково я ждалъ здѣсь на нѣмой дорогѣ
Къ кому я шелъ развѣивъ волоса
Вверху плыли сосцы сосцы на осминогѣ
А я стоялъ и ждалъ куда падутъ вѣса

Какіе то огни мерцаютъ изъ пучины
Далекихъ странниковъ глухіе голоса
Завѣздныя деревъ роскошныя вершины
Ведомыхъ зданій крайніе лѣса!

Изъ блѣдно желтой старины
Крпя росю тонкой пыли
Власы посмертныя ковыли
Дала объятіямъ весны . . .

Подъ голубое небо дня
Предъ острія пушистыхъ копій
Благословляя вѣкъ холопій
И съ нимъ на мигъ соединя.

(Внучка разсматривающая ларецъ).

Въ трамваѣ.

Тамъ гдѣ дѣвушки сидѣли
Сѣли стройные мужчины
Тамъ гдѣ звонко ранѣ пѣли
Сохнуть вянуть отъ кручины
Щеки гдѣ такъ сочно рдѣли
Скрывъ округло жемчуга
Сѣдины взвились мятели
Бровь нахмуренно строга.

Весна.

Ты растворила затхлый домъ
Метнувъ живительный огонь
И тѣни скованныя сномъ
Зажаты въ хилую ладонь

Домъ усыпальницею былъ
Трусливо шаткихъ рубежей
Гнетущій изотлѣвшій пылъ
Подъ взоромъ робкихъ сторожей.

Вечеръ въ Россіи.

Затуманилъ взоры
Свѣтъ ушелъ угасъ
Струйные дозоры
Иглисть скудный часъ

Зазвенѣли мѣдью
Сѣдина-ковыль
Пахнетъ свѣжей снѣдью:
Подъ копытомъ пыль

Затуманилъ взоры
И уходитъ прочь
Струйные дозоры
Нѣга сонъ и ночь

Прянулъ безъ оглядки
Все темно вокругъ
Будто игры въ прятки
Жажущій супругъ.

* * *

Пейзажъ.

(вѣтровъ упадающихъ груды)

Мечтанье трепеть тишина
Игриво кудрая полянка
Звонъ жемчугъ лепеть и бѣглянка
Для мачты годная сосна

Покрытый мохсѣмъ сгнившій крестъ
Какъ далеки воспоминанья
И изотлѣвшія желанья
Такъ бушевавшія окрестъ.

* * *

Прозрачный день, зеленое объятье
Ты растворилъ, чтобъ воспринять меня
И знойное твое рукопожатье—
Живу безвремению кляня.

Чудовищность своихъ зрачковъ зеленыхъ,
Скрывавшій тщетно роємъ облаковъ.
Я погруженъ въ природу сихъ бездонныхъ,
Носитель блещущихъ оковъ!

*
* *

Игралъ въ поляхъ пушистымъ роемъ тучъ
Жемчужные мячи по голубому полю —
Вдымая палицу блестящій страстный лучъ
И ихъ гоня небесной жгучей болью

Внизу паслись зеленя стада
Ихъ тучный ревъ немолчно славиль волю
Поправше витые города
И сонмы душъ изъѣденные молью.

*
* *

Луна цвѣтетъ средь облаковъ невнятныхъ
Какіе странные далекіе шаги
Обрывки запаховъ листовъ пахучихъ мятныхъ
Склоненныхъ на чело ея ночной дуги.

Осенній дождь мутнить стекло свѣтлицы
Едва живутъ какъ робкій вздохъ огни
.....

ВЕСНА.

Въ холодной мглѣ въ смертельномъ подземельи
Ростутъ туманные какъ призраки цвѣты
Безрадостный у вожденной цѣли
Простершіи **Мертвые персты**

Тогда стоявшая у смкнутого входа
Тихонько подняла пустую длань
Шепнула мнѣ „пастухъ несчастный встань
Укройся отъ дождя въ приютъ темномъ грота“.

*
* *

Сгорѣвшій мотылекъ на безплощадной свѣчкѣ
Низринутый листокъ влекомый въ быстрой рѣчкѣ
Надъ вами взвился рокъ Вашъ бесполезенъ ропотъ
Ахъ еслибы я могъ судьбы отринуть хоботъ!

Всегда капризный немного точный
Приходить и смѣется вдругъ
Какъ плодъ румяный пушистый сочный
Владѣтель множества супругъ.

Надъ синимъ озеромъ ликуя
Проносится твой рѣзвый крикъ
Сіяетъ радостная сбруя
Что чистилъ медленный старикъ

Непостоянствомъ не увѣрить
Не оживишь возможность дней
Ты вѣдь проходишь все измѣрить
Всегда упорнѣй и яснѣй.

1909 г.

З и м а.

Луна скользитъ какъ съ корабля Мертвецъ
Я за рѣшеткою въ тюрьмѣ
Молюсь обглоданной зимѣ
Ей палачу живыхъ сердець!

Какой ужасный мерзлый трупъ
Чернѣетъ смутно за окномъ
Я затопить хочу виномъ
Находку пристальную лупъ!

На бѣломъ тѣлѣ черныхъ ранъ
Зіяютъ мрачные слѣды
Мы дождались и сей бѣды
Стерпѣвъ осенній ураганъ.

1911 г.

ЛѢТНІЙ ИНОКЪ.

Звонъ цвѣтовъ лобзанье пчель
Жидкій медъ прямыхъ тычинокъ
Стройный пряный круглый долъ
Въ кельѣ сѣдовласый инокъ

Машеть сморщенной рукой
Нѣжность духъ благословенья
Свѣтъ и трепеть и покой
Насѣкомыхъ звонкихъ пѣнье

Океанъ разверстыхъ крылъ
Сонмы вопіющихъ глотокъ
Лѣто солнце жизни пылъ
Какъ Вашъ мигъ стократъ коротокъ.

Облаковъ сплетенныхъ рой
Облаковъ шумящихъ стая
Зачарована игрой
Ихъ безчисленность витязя

Облака сквозное небо
Будто синіе цвѣты
Но вокругъ все пьяно слѣпо
Какъ стоглазые листы.

Всѣ уходятъ быстро годы
Нѣтъ возврата нѣтъ назадъ
Ночи мучать непогоды
Каждому огню такъ радъ

„Ты вѣдь молодъ ты вѣдь молодъ
И тебѣ не страшенъ холодъ
Посмотри я старъ я сѣдъ
Мнѣ тяжеле иго бѣдъ“

И смѣется онъ беззвучно
Спутникъ ночи неразлучной
Кажеть мнѣ гнѹщій зубъ
Изъ за мерзлыхъ синихъ губъ

Онъ идетъ все рядомъ рядомъ
Онъ гонитель тайныхъ нѣгъ
И подъ этимъ тусклымъ взглядомъ
Мерзнетъ сонный свѣжій снѣгъ

*
* *

Изъ домовъ и въ дома выходили входили фигуры
Была тьма на землѣ на верху облака были хмуры
Я на улицѣ ночь проводилъ прислоняся къ согрѣтой
стѣнѣ

Вѣтеръ ныль вѣтеръ выль на фонарномъ сгорая огнѣ
Предо мной на до мной возносился громаднѣйшій домъ
Весь окутанный мглой отуманенный тьмой
Многоцвѣтомъ сіяя оконъ.

1906 г.

Знаешь край гдѣ плещетъ влага
Камень скользкій бьетъ звеня
Голосъ смутный голосъ мага
Духъ объемлетъ леденя

Край зеленый бѣло пѣнный
Чаякъ взлеты чаякъ крикъ
Голосъ моря гласъ несмѣнный
Сѣдовласый пѣнный ликъ

Пролетаютъ альбатросы
Лугъ зеленый лугъ внизу
Съ хриплой пѣснею матросы
Якорь ржавленный везутъ

* * *

Надъ зелено пѣнной зыбью
Пролетаютъ альбатросы
Чайки ловятъ стаю рыбью
Въ снасти впутались матросы

Въ морѣ зыблются медузы
Межъ цвѣтными кораблями
О порви съ берегами узы
Взвейся сильный надъ морями.

1907 г.

Надъ кружевами юныхъ водъ
Краснѣешь твердыми боками
Пронзаешь изступленно сводъ
И вѣшь флагъ подъ облаками.

А уходя роняешь стонъ
Неужто раненъ ты разлукой
Ты подыматель столькихъ тоннъ
Рожденный точною наукой.

* * *

Насъ было двое мы слгали
Изъ словъ тончайшей минаретъ
Въ лазурь мы путь тогда искали
Взойдя на холмъ прозрачныхъ лѣтъ

И возлагая новый камень
Мы каждый разъ твердили вслухъ
Что близокъ ужъ небесный пламень
Что близокъ идеальный духъ

И что же!... кто взлелѣялъ зависть
Къ творенью нашему тогда
Кто бросилъ жгучую ненависть
Смѣшавъ языки навсегда.

Какъ сказочны лѣса подь новымъ симъ уборомъ
Какъ гармонично все единостью окраски
И небо и земля и липы за заборомъ
И кровли снѣжныя напялившія маски

Земля подобна стала рыхлымъ тучамъ
Утратилась ея земная твердость
И первый вѣтеръ облакомъ летучимъ
Подниметь понесетъ зимы морозной гордость.

* * *

Ты насъ засыпалъ бѣлымъ бѣлымъ
Всѣ вѣтки стали вдругъ видны
Какъ четко черная ворона
Спокойные смущаетъ сны

Съ землею слить край небосклона
Я не хочу желать весны
Подъ этимъ снѣгомъ бѣлымъ бѣлымъ.....

Вокзалъ.

Часовня встрѣчь разлукъ вокзалъ
Дрожащій гуль бѣгъ паровоза
Тревожность оживленныхъ залъ
Разлуки пламенная роза

На плечи брошенные тальмы
Послѣдній взглядъ послѣдній зовъ
И вверхъ искусственныя пальмы
Отъ холодной бѣлизны столовъ

Вѣдь каждый день къ твоимъ путямъ
Бѣгутъ несчастнѣйшія лица
Къ кому безжалостна столица
И никнуть въ стали звонкой тамъ

И утромъ каждымъ въ эту дверь
Стремятся свѣжія надежды
Всѣ тѣ на комъ столица звѣрь
Не съѣла новыя одежды

А ты гирляндами горѣлокъ
Блестя на мигъ одинъ пріютъ
Подъемлешь свой дорожный кнутъ
Живую неуклонность стрѣлокъ.

Марина.

(Кто вырвалъ жребій изъ оправы . . .)

Въ безмолвной гавани за шумнымъ волнорѣзомъ
Сокрылся изумрудный глазъ
Окованъ камнемъ и желѣзомъ
Цвѣтно мѣняющійся газъ.

Въ сырой пустынѣ гдѣ вѣтеръ влажный
Средь безконечной ряби водъ
Широкий путь пловца отважный
Дымящій шумный пароходъ

Въ просторѣ скучномъ каютъ веселье
Остроты франтовъ и хохотъ дамъ
А здѣсь притихшее похмѣлье
По неотмѣченнымъ слѣдамъ

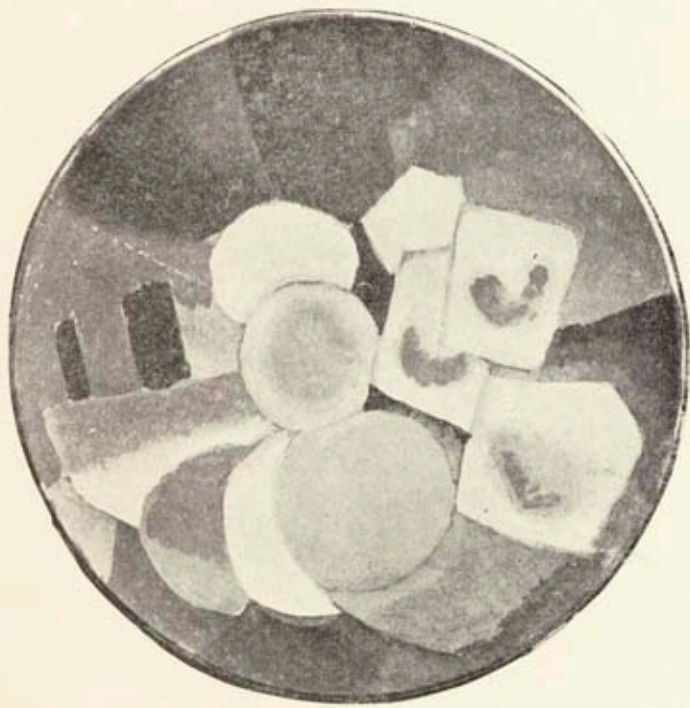
Тамъ цѣль прямая по картѣ точной
Всѣхъ этихъ пассажировъ влечь
Быть можетъ къ гибели урочной.....
(Приблизить роковая течъ)

А здѣсь въ волнахъ круглятся дельфины
Спѣшать за рѣжущимъ килемъ
Ихъ блещутъ бронзовыя спины
Аквамариновымъ огнемъ.

1910 г.

В. Бурлюк.

Александра Экстеръ

„Натюръ – мортъ“.

ПОДАРКИ.

Ты истомленному въ пустынь
Глаза свои преподнесла
Что свято предаешь ты нынѣ
Въ долинахъ бѣдствій мраковъ зла

Какія нѣжныя запястья
Съ пугливой груди отстегнувъ
Исторгнешь клики сладострастья
Химеръ безумный хоръ вспугнувъ

Или мечемъ туманно алымъ
Побѣдно грудь разсѣчена
Душа вспорхнула птичкой малой
И жизнь конечно не видна.

1908.

*
**

По неуклонности желѣзной
Влестящихъ рельсъ стальныхъ
Путемъ уходишь звѣзднымъ
Для рубежей иныхъ

Смѣется и стремится
Иной иной удѣлъ
И сумракъ тихій длится
Какъ серебристый мѣлъ

Пади раскрывъ колѣни
И утоли любовь
Въ высоко жгучемъ пѣньи
Повѣрь всевластна кровь

1907.

Собиратель камней.

Съдой вѣдунъ
Какъ много разныхъ камней
Ты затаилъ въ суровой башнѣ лѣтъ

Зеленыхъ лунъ
Тамъ плѣсень стала давней
Но солнца въ граняхъ стоекъ свѣтъ

Своихъ одеждъ
Украшилъ ты узоры
Ихъ огранивъ въ узилище оправъ

Огонь надеждъ
Лишь къ нимъ клонятся взоры
Съдой вѣду чь ты въ граняхъ вѣчныхъ правъ

1907.

Зима.

Какъ скудны дни твои
Какой полны тоскою
Отчаянья безстрастною рукою
Сгибаютъ рамена мои!

Въ окнѣ замерломъ блѣдная денница
За безпросвѣтностью чернѣвшей ночи
Казалось замерзающая птица
Ко мнѣ пробиться въ душу хочеть.

1907 г.

*
*
*

На улицахъ ночныя свѣчи
Колеблютъ торопливый свѣтъ
А ты идешь сутуля плечи
Во власти тягостныхъ примѣтъ

Въ умѣ твоємъ снуютъ догадки
О прошломъ изнурившемъ днѣ
А фонари тебѣ такъ гадки
Какъ змѣй глаза во снѣ.

1907 г.

Сумерки.

Веселый часъ! я посѣтилъ кладбище
Первоначальныхъ дней (упавшихъ навсегда),
Какъ мотъ скитался тамъ какъ безотрадный нищій
Что даже смерть ему не нанесетъ вреда

Слѣдилъ внимательно гробницъ слѣды кривые
Надежды робкія сокрыли склепы ихъ
Порывы дерзкіе восторги боевые
И многихъ не узналъ среди льстецовъ своихъ

„Твои твои“ шептали вяло камни
„Ты здѣсь ты здѣсь“ шуршитъ внизу земля
Мгновенья бѣглыя сознанья былей давно
Стуились ввысь туманя и пыля.

1908.

Четвероногое созданье
Лизало бѣлыя черты
Ты какъ покинутое зданье
Укрыто въ черные листы

Пылаютъ свѣтозарно маки
Надъ блескомъ распростертыхъ глазъ
Чьи упоительные знаки
Какъ поколебленный алмазь.

*
**

Наѣздница.

На фонѣ пьяныхъ коней закатныхъ
Серебробруйные гонцы
А вечеръ линій ароматныхъ
Развившій длинные концы

На гривахъ черныхъ улыбки розы
Раскрыли нѣжно свои листы
И зацалованныя слезы
Средь изумленной высоты.

1908 г.

О желанный сугробъ чистота
О безстрастная зимъ чернота
Ты владѣтель покорнѣйшихъ слугъ
Породилъ ароматовъ испугъ

Подъ кобальтовой синью небесъ
Тонкимъ цинкомъ одѣты поля
Ты лепечешь персты оголя
Эти струи несозданныхъ мессъ.

Разметавшись въ угарѣ морозномъ
Среди бьющихся колющихъ иглъ
Ты лишь здѣсь откровенно постигъ
Свѣтлый воздухъ сосудѣ курьезномъ.

ВЕСНА.

Дрожать блѣднѣющіе свѣты
И умирають безъ конца
Легки ихъ крохкіе скелеты
У ногъ сокрытаго тельца

Тускнѣють матовыя стекла
Закрѣто бѣлое крыльцо
Душа озябшая намокла
И исказилося лицо

И вдругъ разбуженъ яримъ крикомъ
Извнѣ ворвавшійся просторъ
Въ сіяньи вешнемъ блѣднымъ ликомъ
Встрѣчаю радостный топоръ

Слѣжу его лаская взоромъ
И жду вѣщательныхъ гонцовъ
Я наученъ своимъ позоромъ
Свершившій множество концовъ.

* * *

Волнъ змѣистый трепеть
Скалы острова
Вѣтра нѣжный лепеть
Влажная трава

Брошены простыни кто то вдаль уплыль
Небо точно дыни полость спѣлой вскрыль
День сраженный воинъ обагрилъ закатъ
Кто то успокоенъ блескомъ свѣтлыхъ латъ.

Кто раненъ здѣсь кто тамъ убить
Кто вскрикнулъ жалобный во тьмѣ
Хамелеонъ тупой тропѣ
Свой разноцвѣтный отдалъ щить

Руби канать ушла ладья
Напрасны слезы и платокъ
Что въ ручкѣ трепетной измокъ
Пурпурныхъ обѣщаній дня

Оставь оставь пускай одна
Влачится ариадны нить
Я знаю рокъ сулилъ мнѣ жить
Пасть-лабиринтова смѣшна.

*
*

Богиня Сехтъ жаръ пламени и битвы
Пылъ гнѣва съ головою льва
Въ тебѣ гранитныя молитвы
Въ тебѣ гранитныя слова

Какъ здѣсь прекрасно женское начало
Но этотъ левъ, — но этотъ хищный левъ
Вселенной всей тебѣ объятій мало
Живущая гроба преодолѣвъ

Изъ сна вѣковъ дошла неотразимо
Ты вѣчное и прежде и теперь
Тѣлесна страсть тебѣ прямое имя
Къ реальной вѣчности пріятственная дверь.

1908 г.

*
*

Сумерки.

Истлѣвшіе заката очаги о синяя возможность ночи

Д. Б.

Возможность новая усталымъ взорамъ мракъ
О тьма свинцовая пастухъ дневныхъ гулякъ
Бросая пологъ свой по всѣмъ путямъ бредешь
О сумракъ часъ нѣмой туманность, нѣга ложь.

.
Ты обѣщаль сдержать неистовое слово
Темнѣла улица вечерній топотъ росъ
Обыденная муть вливалась въ сердце ново
А гдѣ то вѣяли кристаллы росъ

Отравы мучили и сумерки томили
Искалъ довѣрчивыхъ и пригвожденныхъ глазъ
Неслись далекія устало ныли мили
Подъ грохотъ рухнувшихъ испепеленныхъ вазъ

И что же какъ всегда надъ четкимъ парашютомъ
Вдругъ встала смерть свой остова обнаживъ
А медленный закатъ ложился тонкимъ свѣтомъ
Въ глухія болота испепеленныхъ нивъ.

1907 г.

Н и к о л а й

Б у р л ю к ъ .

Ущербленность

цикл 1-й

Что значить?! Шумъ и шумъ къ веснѣ,
Ледъ ломится. и птица скачетъ,
Мой другъ, что значить?!
Печаленъ я: иной странѣ
Мой плѣнъ назначенъ;
А я въ землѣ стараюсь
Найти свой тонкій волосокъ желанья,
Что люди вѣрные зовутъ душой питанья.....
И безнадеженъ и беспоренъ,
Подъ смакъ резиновой ѣзды,
Я вырву приворотный корень
Сквозь шелку дальнія звѣзды.

БАБУШКА

Постарѣвши, расскажу
Въ понедѣльникъ про вѣнчанье
И старушечье шептанье
Втихомолку разбужу.
Вторникъ завтра, завтра гости,
Хорсмъ, хоромъ повторимъ:—
Каменѣютъ съ годомъ кости
И кадельный слаще дымъ.
А средою утомленъ
Буду слушать снова, снова
Отъ вѣнца до похоронъ,
Шорохъ каменнаго слова.

Ползу на край сварливой крыши
И темныхъ улицъ вижу бѣгъ,
Послѣдней ночи бѣлый снѣгъ
Надъ городомъ султанъ колышетъ.
Цѣлую грань послѣдней выси,
Журчить во дворъ туманный дождь, —
Мой жребій отъ тебя зависить,
Изнеможденной рати вождь

Въ трамваѣ.

Злой мальчишка, я слѣпой —
Надъ ними не смѣются,
Злой мальчишка, предъ толпой
Всѣ дороги рвутся

Мнѣ на седьмой, а онъ кричить:
„Седьмой вотъ здѣсь“, — а это восемь;
Злой мальчишка, меня влачить
И бьетъ дорога лосемъ.

Мнѣ на седьмой, мнѣ на седьмой,
А это восемь, восемь, —
И мы за зрѣнія спиной
Едва ли жалость сносимъ.

Пятый Этажъ.

Одно мнѣ утѣшеніе,
Подъ взглядомъ мокрыхъ крышъ,
Твѣе больное пѣніе
Черезъ ночную тишь.

Одно мнѣ утѣшеніе,
Подъ язвами лица,
Вечернихъ дымовъ рвеніе
Подъ молотъ кузнеца

Въ твоихъ рукахъ мой день спадаетъ
Минута за минутой.
Ногою необутой
Полдневный лучъ меня ласкаетъ

Прищурившись отъ яркихъ свѣтовъ
И ухватясь за тучу,
Я чей-то призракъ мучу,
Средь опостылѣвшихъ предметовъ.

Въ ущельѣ уличнаго дыма
Зловоній непрейденный рядъ
Тобою услажденный ядъ
Съ бреговъ замерзшаго нарыма.

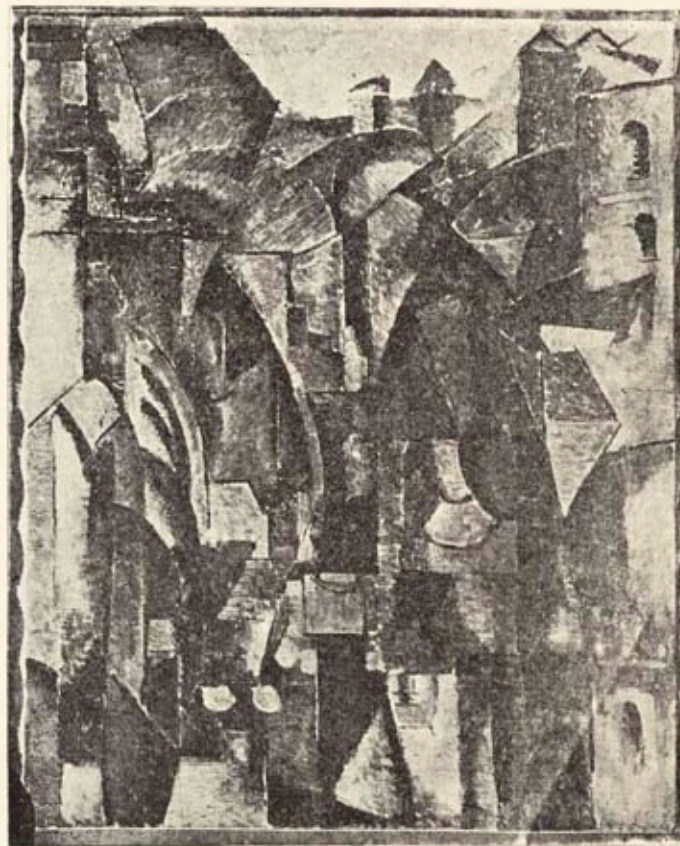
Интеллигентъ и проходимецъ
На перекресткахъ, площадяхъ
Слѣдишь автомобильный прахъ,
Куда смущенный не подымется.

Къ веснѣ, когда все такъ стыдливо,
Ты съ первымъ солнечнымъ лучемъ,
Какъ мальчикъ лавки съ клячемъ,
На талый ледъ глядишь пытливо.

И если въ городъ опрокинется
Тумана емкая скудель,
Повѣрь, заботливый апрѣль
Осколки скорченныя вынетъ

* * *

Благоговѣнно улыбаясь,
Стираю съ пять живую пыль
И на прирученный костыль
Смотрю передъ собою каясь:

Александра Экстеръ
„Пейзажъ“.

рис. Владимиръ Б.

Огонь, ты грѣшь мать и братьевъ
И кругъ родного очага,
А путника давно нога
Сокрыта теплаго пожатья.

И, запрещенный тусклымъ взглядомъ
Повсюду вянущихъ людей,
Влачусь по снѣговой водѣ
Къ высокимъ башнямъ и оградамъ

* * *

Въ степи восхода солнце ищетъ
И, какъ неутомимый кротъ,
Черезъ горизонтъ застывшій прыщеть
Смятенныхъ тучъ водоворотъ.

* * *

О берегъ плещется вода,
А я усталъ и изнемогъ,
Вотъ, вотъ настанутъ холода,
А а отъ пламенъ не сберегъ.

* * *

Смыкаются незримыя колѣни
Передъ молениями моими.
Я, темный, безразличный плѣнникъ,
Шепчу боговъ умершихъ имя.

Я не приму твой трепеть ночи
Хвала согбенная безсилью.
Меня заря, быть можетъ, прочеть
Работникомъ дневною пылью.

* * *

Я изнемогъ, и смутно рѣть
Въ пустой груди языкъ чудесь.....
Я, отрокъ вечера, вознесъ
Твой факель ночь, и онъ чуть тлѣть.

Страдальца взоръ смѣшно плѣняетъ
Мои усталые глаза.—
Понять могу-ли, егоза,
Что уголь не свѣтя сгораетъ;

Я зачарованный, сокрытый,
Я безглагольно завершень,—
Какъ трупъ въ непобѣдимый лень.—
Какъ плодъ лучемъ луны облитый.

Я, ни юродивый ни льстивый,
Смыкаю передъ тьмою взоръ
И, подходя къ подошвамъ горъ,
Хочу обуться торопливо.

Владимір

Маяковскій

Зигзаги в вечер.

Адище города окна разбили
На крохотные сосущие свѣтами адки
Как рыжіе дьяволы скакали автомобили
Над самым ухом взрывая гудки

А там под вывѣской гдѣ сельди из Керчи
Сбитый старикашка шарил очки
И заплакал когда в вечернем смерчѣ
Трамвай с разбѣга взметнул зрачки

А в дырах небоскребов гдѣ горѣла руда
И желѣзо поѣздов громоздило лаз
Крикнул аэроплан и упал туда
Гдѣ у раненнаго солнца вытекал глаз

И тогда уже скомкав фонарей одѣяла
Ночь излюбилась похабна и пьяна
А за солнцами улиц гдѣ ковыляла
Никому не нужная дряблая луна

Владимир Маяковскій

Алекѣй

Крученыхъ.

Луной гнилою
Часы отстали
Кормили сволочь
Гуди с толпою
Хоть 2? едва ли
Пятится ночь
Нажавши пальцем
Зайти ли? с вывѣской?
Я вольный благодар
Языкъ чернильницы
Попал под наковальню
Чур чур круче
Ловите—тайна
Если пред объдом
Пройтись хочу я просто къ воротам
И подаю ей знак летѣльбищ
На что иной взирает не терпя

А. Кручених

Моих дѣтей не узнаете?
Родились здѣсь в неисчислимой
Возьмите в школу
Пусть желт и респ не нарушают пѣны

Лѣсня шамана.

Котеро
Перо
Бясо
Муро
Коро
Поро
Ндоро
Ро

А. Крученых

Бенедиктъ

Либшицъ.

Слова на эро.

1.

Бѣлый лѣкаръ, нездрѣлый трупикъ
Большеглазаго пѣро,
Вырастившій вымышленный тропикъ
Въ мартовское серебро!

Нѣтъ, не пыль дождливаго клавира,
Ты стѣняешь бѣлизной
Всѣ широкія слова на эро,
Всѣ слова въ цѣлебный зной.

Покачнувшись бѣлымъ балахономъ
Туфлѣ въ тактъ и сердцу въ тактъ,
Праведникъ, въ раю благоуханномъ
Ты нисходишь на смарагдъ.

2.

О тропикѣ трепетный клоунъ
Иъ крапинѣ запретныхъ — рябо
На всемъ балахонѣ — во что онъ
Возросъ головой бибабо?

На счастье въ лиліи передъ
Америкю тишины
Онъ замеръ и къ сѣверу мѣрить
Отпущенницъ райской весны.

Чья полужнакомая вѣра
Смарагдами ограждена
Въ широкое слово на эро,
Бѣжавшее строгаго сна.

Бенедиктъ Либшицъ

В а с и л и й

К а м е н е к и й .

B.6

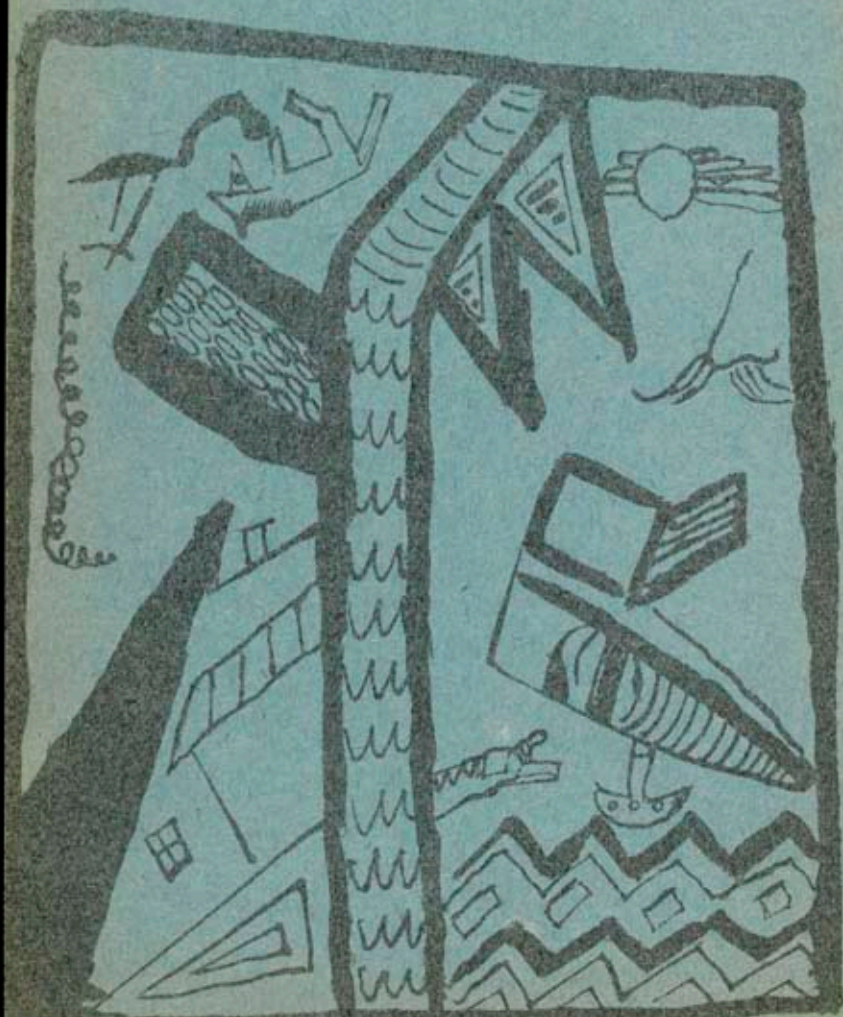

рис. Владимиръ
Бучотокъ.

Сѣверная рождествель.

Тканая скатерть морозницей вицей
Рождественна ель на горѣ серебрѣ
Распушенная звѣздно узорами взорами
Заборами хрустальными льдами стальными
На хвойной зарѣ за рѣками озерами
Въ замкѣ изъ заячьихъ шкуръ горностаевъ
Жемчужинъ алмазовъ опаловъ топазовъ
Сіяютъ изъ инея вершины вѣнцы
По синей дорогѣ бѣгутъ бубенцы
Ломко въ сердцѣ и зовно звеня
Дни веселая пѣсня обниметъ меня
Кудри русскія вскинъ и разгульно встрѣчай
Безшабашныхъ и пьяныхъ качай укачай

Василій Каменскій.

Чугунное житье.

Чугунное житье
Ношу кривой
Татарскій ножъ
Индѣйское копье
Раскинулъ ловокъ и хитерь
Я на соснѣ шатерь
И хохочу хочю
Кричу и жгу смолье
Точу топоръ
Четыре пальца просвищу
Шарахнется сова
Забьетъ крыломъ
Седьмымъ весломъ
Людей не вижу не ищу
И выплюнулъ слова
Мычу ядреный
Волъ луговъ
Марковное жратье
Повѣсилъ на рога враговъ
Шаршавый стволь
Старуха мать
Пошелъ жую рябину
Сучье ломать
Чугунное житье

Василій Каменскій.

Ж о ч ь

Блещут
Вѣщія
Зарницы
Озорницы
За рѣкой
Рукой
Огонь
В темницѣ
Огонится
Конь
Конится
Пасутся
Звѣзды
Гнѣзда
Гроз
Скитаній
Молній,
Таянній,
Отчаянній
Обоз.

СЛОВОЙСКО

Словойназа
Словолю
Слово жди
Словойдут
Словоплямив
Словорота
Словолости
Словоскреснет
Слованіе
Слов
Словолян.

ОДЪЯНІЯ.

Пѣсеніанка
Пѣсеніанная
Пѣсеніанных
Пѣсеніан
(Пѣска
пѣсни)
Осмѣзка
Осмѣзанная
Осмѣзанных
Осмѣзан
(Пляска
смѣха)
Окаянка
Окаянная
Окаянных
Окаян
(Пляска
с визгом)
Одѣянка
Одѣянная
Одѣянных
Одѣян
(Пляска
спины)

Въ блестящей тьмѣ.

Въ смокингахъ, въ шикъ опроборенные, великосвѣтскіе олухи

Въ княжѣй гостинной наструнились, лица свои оглупивъ.

Я улыбнулся натянуто, вспомнилъ сарказмно о по-рохѣ;

Скуку взорвалъ неожиданно неопознанный мотивъ.

Каждая строчка—пощечина. Голосъ мой—сплошь издѣвательство.

Риѣмы слагаются въ кукиши. Кажеть языкъ тассонансъ.

Я презираю васъ пламенно, тускляя Ваши сіятельства,

И, презирая, рассчитываю на міровой резонансъ!

Блесткая аудиторія, блескомъ ты зло отуманена!

Скрыть отъ тебя, недостойная, будущаго горизонтъ!

Тускляя Ваши Сіятельства! во времена Сѣверянина

Слѣдуетъ знать, что за Пушкинымъ были и Блокъ, и Бальмонтъ!

1913.

Игорь—Сѣверянинъ.

Книги русскихъ футуристовъ

КАТАЛОГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВЪ.

1908—1914 г.г.

МОСКВА — С.-П.-Бургъ.

Издательство

(Литературной Компаніи Футуристовъ)
„ГХЛЕЯ“

Дохлая Луна (огранич. количество.—
осталось) — — 1 р. 50 к.

Молоко кобылицъ (Мирістель):

Каменскій Маяковскій Игорь—Съверянинъ.
Бурлюки, Хлѣбниковъ, Крученныхъ, Лившицъ
Экстеръ. Стихи, статьи, рисунки, литографіи.

Сборникъ рисунковъ: печатается

Бурлюки; Давидъ, Владиміръ
Предисловіе Николай Бурлюкъ.

Склады изданій:

Москва. „Современныя проблемы“ Никитская ул.

Петербургъ. Невскій проспектъ „Поповъ“.

Москва.—Карбасниковъ—Моховая ул.

„Рыкающей Парнасъ“ — 1 р. 50 к.
Хлѣбниковъ „Творенія“ т. I — 1 р.
Владиміръ Маяковскій трагедія „Владиміръ
Маяковскій“ — — 1 р.

1-й № „Первый Журналь Русскихъ
Футуристовъ“ издатель Д. Бурлюкъ редакторъ
В. Каменскій.

В Маяковскій. И. Съверянинъ Хлѣбниковъ
В. Каменскій, Б. Лившицъ, Давидъ, Владиміръ
и Николай Бурлюки А. Экстеръ, Васильева.

Б. Лившицъ. II я книга стиховъ „Волжье
солнце“ рисунки цвѣтныя репрод Экстер.
Васильева. I-я книга стиховъ „Флейта
Марсія“.

изд. ЕУЫ.

В. Хлѣбниковъ. Перчатки (1908—1914) рис. Д. Бурлюка.
К. Малевича и др. — ц. 60 к.

Утинное гнѣздышко—Крученных, книга 7-я рис. О Розановой, ц. 40 к.

Бух лѣснинный—А. Крученных и Хлѣбников книга 8-я Рис. Розановой, Кульбина и Крученныхъ, 40 стр., ц. 30 к.

Взорваль—А. Крученныхъ книга 9-я, 60 стр. рис. Гончаровой, Розановой, Кульбина и Малевича. ц. 60 к.

А. Крученых Побѣда над солнцемъ. Опера. Музыка Матюшина— ц. 60 к.

А. Крученыхъ „Чертъ и рѣчетворцы“ рис. О. Розановой ц. 30 к.

Карбасниковъ. Суворинъ. Вольфъ. Яснаго и др.

Складъ изд СПб Максимиліанов. пер. д. 16. кв. 6.

Художественное Бюро

НАДЕЖДЫ ЕВСѢВНЫ ДОВЫЧИНОЙ

С.-П.-Бургъ Мойка 63.

==== Картины Русскихъ Футуристовъ. ====

ВЫСТАВКИ ФУТУРИСТОВЪ

Берлинъ „Sturm“

„Potsdamerstasse. 134“

С.-Петербургъ и Москва

О-во худож. „Союзъ Молодежи“

ОТКРЫВАЕТСЯ Студія ДАВИДА

Бурлюка

Живопись. Рисунокъ.

Анатомія. Истор. иск.

Съ Сентября 1914 года—Москва.

Издательство Журавель

Садокъ Судей, I сборникъ (распродано) оставшіеся въ не
большомъ количествѣ продаются у Митюрникова
по 50 руб. СПБ. Литейный

Садокъ Судей II сборникъ

Садокъ Судей III сбор. (печатается)

Осеній Сонъ—Е. Гуро (†)

Шарманка ея-же

„Трое“—ц. 1 р. Гуро. Хлѣбниковъ. Малевичъ
Крученыхъ.

Изд. Бутковской

Студія импрессионистовъ, цѣна 1 р. 50 к.

Свободная музыка, цѣна 2 руб.,

Изд. ОБЩ. ИНТИМНАГО ТЕАТРА:

Кульбинъ, цѣна 50 коп.

Изданія Общества Художниковъ

„Союзъ молодежи“

Сборникъ № 1, Апрель, 1912 г. (распроданъ)

Сборникъ № 2, Июнь 1912 г. — 50 к.

Сборникъ № 3, Мартъ 1913 г. — 1 р.

Сборникъ № 4, 1914 г. (готовится)

Вячеславъ Егорьевъ и Владиміръ Марковъ.

Свирѣль Китая; собраніе стихотвореній китайскихъ
поэтовъ съ біографіями (печатается).

Глезъ и Мецанже. „Du Cubisme“ въ переводѣ
„Союза Молодежи“ (печатается)

I. Школьникъ и О. Розанова

Сборникъ рисунковъ (печатается)

Владиміръ Марковъ.

Принципъ Фактуры (готовится)

Бургеръ. Сезаннъ и Ходлеръ (печатается)

Дав. Дав. Бурлюкъ.

Галдящіе „Бенуа“ и Новое Русское націо-
нальное искусство. Разговоръ г. Бурлюка,
г. Бенуа и г. Рѣпина — 20 коп.

Складъ изданій „Союза Молодежи“

С.-П.-Бургъ, Графскій, 5.

МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Изд. Г. Кузьмина и С. Долинскаго.

Игра въ Аду—Крученых и Хлѣбников, рис. Гончаровой ц. 60 к. (распродано).

Старинная любовь—Крученых, Рис. Ларіонова, цѣна 30 к. (распродано)

Оставшіеся въ небольшом количествѣ распродаются

Игра въ аду по 3 и 5 руб. и „Старинная любовь“ по 1 р. у Митюрникова, Вольфа и др.

Мірсконца Крученых и Хлѣбников, рис. Гончаровой, Ларіонов, Роговина, Татлина, цѣна 70 коп. (распродано)

Пустынники Помада. Полуживой—А Крученых, рис. Гончаровой и Ларіонова, цѣна 50, 30 и 40 к.

Пощечина обществен. вкусу—Бурлюки, Крученых, Хлѣбников, Маяковскій и др. цѣна 1 руб. (ограниченное количество экземпляровъ)

Требник троих—Бурлюки, Хлѣбников, Маяковскій, цѣна 1 р. 25 к. роскошное издание, рисунки

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страницы.
Велиміръ Хлѣбниковъ	3—23
Давидъ Бурлюкъ	27—57
Николай Бурлюкъ	61—66
Владиміръ Маяковскій	69—70
Алексѣй Крученыхъ	73—74
Бенедиктъ Лившицъ	77—78
Василій Каменскій	81—85
Игорь Стверянинъ	86—87

Рисунки: Александры Экстеръ 2 рис.; Давида Бурлюка: 1 рис. отъ руки цвѣтной, 2 литографіи; Владиміра Бурлюка: 1 рис. отъ руки цвѣтной, 6 литографій. Каталоги издательствъ.

рис. Владимиръ
Бурлюкъ.

Цѣна 1 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИТ. К^о“
ФУТУРИСТОВЪ
„Гилея“

Херсонъ, Художественно-Электрич. тип. С. В. Поряденко.